

Алла ПУГАЧЕВА:

В детстве я читала много, но неразборчиво: все подряд. Но потом мне повезло: я попала в среду людей, которые стали руководить моим чтением. Лет в тринадцать—пятнадцать мне довелось познакомиться с Шекспиром, Булгаковым, Платоновым, Пастернаком, Северяниным, Л. Толстым. Вдруг пришло увлечение Леонидом Андреевым. Особенно мне нравился «Иуда Искарот», я перечитывала его по многу раз.

Конечно, я в силу возраста не все понимала из того, что читала. Потом пришлось перечитывать. И все-таки я считаю, что нельзя от детей и подростков прятать серьезные произведения, ограничивать круг их чтения некоей специальной «детской литературой». Восприятие книги в этом возрасте — чисто эмоциональное. Полное понимание придет позднее; но если затянуть, обратиться к этим книгам уже в зрелом возрасте, когда твой характер и образ мыслей уже сформиро-

ваны, новое воспринимается с трудом, для этого придется многое ломать в себе. Подростковое чтение — все равно что посадка в благодатную почву семени, которое возрастет много позднее, но чем раньше мы его посадим, тем лучше это растение будет расти.

Что касается выбора книг, то в этом деле молодые люди как слепые котята: тычутся, тычутся туда-сюда, системы никакой. Поэтому так важно, чтобы рядом оказался умный и тонкий человек, который мог бы посоветовать хорошую книгу, а потом поговорить о ней. Мне повезло: рядом со мной такие люди были. Повезло и в другом: так совпало, что одновременно я знакомилась с живописью, и мое восприятие литературы было, так сказать, объемным. До сих пор у меня А. Платонов ассоциируется с Петровым-Водкиным. Хорошо помню время, когда читала запоем — лет в пятнадцать - шестнадцать, — передо мной словно открывался новый, прекрасный, загадочный мир. Это было чудесное время.

Лит. газ., 1984, 5 дек.